

ЭТНОГРАФИЯ

М.-З.Ю. Курбанов

**ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ДАРГИНСКОЙ СЕМЬЕ
(традиции и инновации)**

Внутрисемейные отношения едва ли не наиболее трудная область исследования семьи; методика их изучения еще мало разработана, однако несомненно, что при этом особенно большое значение имеют этнографические методы: во внутреннем строе семейной жизни сосредоточены многие черты этнической специфики народа. Для теоретического изучения ряда проблем семьи характер внутрисемейных отношений является основным источником (*Бромлей Ю.В.*, 1983. С. 27). Поэтому структура семьи большинством авторов, социологов и этнографов определяется именно как «организация связей, взаимоотношений входящих в нее людей» (*Ганцкая О.А.*, 1984. С. 17).

Рассмотрение внутрисемейных отношений дает возможность определить тип семьи, характер ее строя, способствует выявлению особенностей бытования, функционирования семьи в обществе на определенном историческом этапе его развития, взаимодействия семьи и ее членов, отношений между супругами, между отдельными поколениями, братьями и сестрами. Составляющие внутрисемейные связи актуализируются в повседневной жизни в виде множества разнообразных обычаев, правил, установлений, мнений, представлений, господствующих в семье и в большинстве случаев способствующих ее стабильности. Установление и закрепление этих обычаев в быту происходит благодаря известному механизму трансляции – одному из важнейших факторов развития культуры в целом. Традиции как эстафета передаются из поколения в поколение и соединяют настоящее с прошлым.

Развитие традиций в области внутрисемейных отношений в даргинской семье в настоящее время происходит в условиях сокращения ее численности и упрощения состава. Таким образом, 4790 семей, или 77,7% из общего числа обследованного в 2004 г. 6301 хозяйства составили простые малые семьи. Значительную часть представляют одиночные семьи – 1287, или 20,4%. Меньшую часть составляют семьи из трех поколений, включающие родителей (или одного из них) с детьми и их бабушек и дедушек (или одного из них).

Одной из наиболее ярко выраженных тенденций в развитии современной семьи даргинцев выступает тенденция к усилению демократизации, эгалитаризации ее строя, к устранению остатков авторитарности, сохранившихся от прошлого. Главями семей являются мужчины – 4331, или 68,7%, из 6301 обследованного нами хозяйства.

Новым моментом в вопросе главенства в семье является изредка главенство жены при муже, так как в прошлом невозможно было предположить, чтобы даргинская женщина могла бы возглавить семью. Нами выявлено 32 таких семьи, или 0,5 % от общего числа обследованных. В большинстве случаев жена становится главой, если муж ее временно отсутствуют либо болеет.

Как свидетельствуют этнографические материалы, у даргинцев почти повсеместно вышеописанные процессы происходили медленно, и до настоящего времени в формах общения членов семьи с разным статусом, возрастом и родством наблюдаются некоторые консервативные традиции и нормы поведения, характерные для дореволюционного быта с его жестокой регламентацией семейных отношений обычным правом – адатом и религиозными законами шариата.

Среди социально-экономических факторов, влияющих на демократизацию отношений в семье, у даргинцев особенное значение имеет изменение положения женщины в обществе и семье. Неполноправны были и младшие мужчины, в том числе женатые сыновья в неразделенных семьях. В отдельных историко-этнографических областях Дагестана оно отличалось определенными особенностями, что было вызвано различиями в хозяйственной жизни в условиях разных природно-географических зон (горная, предгорная, равнинная), а также уровнем распространения ислама в ряде районов, где проживают даргинцы.

В равнинно-предгорных районах, где преобладало земледелие, труд женщин в основном ограничивался работами по дому, тогда как в местностях с преобладанием роли скотоводства (главным образом в горных районах Акушинском и Дахадаевском) женщины наравне с мужчинами участвовали и в сельскохозяйственных работах. Соответственно даргинка сохраняла свой независимый характер, достоинство, открытый нрав и активную роль в общественной жизни. Женщины, формально лишённые прав в сфере политической жизни, поддерживали авторитет своих собственных мужчин и братьев. Недаром говорят, что женщины-горянки делают горцев горцами. Мужчины, с одной стороны, скрывали свои недостатки и истинные черты характера от жен и женщин больше, чем от мужчин и друзей. С другой стороны, мужчины берегли своих женщин и отдавали свои жизни, оберегая их достоинство и честь. В Дагестане огромное влияние на семейные традиции оказывает исламская культура. Декларируемые религией идеалы гармонии семьи на основе полной покорности жены никогда не соответствовали горской действительности – трудящаяся женщина, женщина-собственница (ей часто принадлежали земля и скот) имела четкие и сильные позиции в семье и в обществе.

К числу некоторых из предписаний шариата относятся нормы, касающиеся прав и положения женщины в исламе. В Коране в общих чертах канонизированы важнейшие положения ислама о женщине, начиная с легенды о сотворении ее из ребра Адама и кончая социальными функциями мусульманки в различных сферах общественной и семейной жизни. Весь пафос Корана исходит из принципа идеализации порядков патриархальной семьи и возвышения культа мужчины. Официальная процессуальная норма шариата приравнивает двух женщин к одному мужчине (в частности, при свидетельствовании). В Коране идет строгое разделение людей в семье и обществе по половому принципу: женщина вторична по отношению к мужчине. «Он создал для вас из вас самих жен, чтобы вы жили с ними...» (Коран. 1986. С. 312). Несмотря на то, что мужчина и женщина сотворены из единой души, все же появление женщины вызвано потребностями мужчины: «Он тот, кто сотворил вас из единой души и сделал из нее супругу, чтобы успокаиваться у нее» (Коран. 1986. С. 313). М.В. Вагабов указывает, что «во всех изречениях Корана слышен голос главы частнособственнической моногамной семьи, который видит в своей жене вещь...» (Вагабов М.В., Вагабов Н.М., 1999. С. 228). Справедливо указывая на эту главную черту, академик В.В. Бартольд

писал: «...на личность женщины Коран смотрит почти исключительно с точки зрения ревнивого мужа, правила о разводе, кроме имущественных, также составлены всецело в пользу мужчин» (*Бартольд В.В.*, 1966. С. 102). Даже в Дагестане, где хозяйственная роль женщины была велика, ее социально-правовое положение оставляло желать лучшего: духовенство всячески старалось подавить любую инициативу женщины и тем самым сохранить неравенство полов. Ущемление прав женщины по шариату особенно ярко проявляется в таком явлении, как многоженство. Неравноправие мужчин и женщин видно по двум актам семейного состояния – это заключение и расторжение брака. Инициатива в обоих случаях принадлежит мужчине, и судьба женщины находится в его руках. Нормы шариата подробно регламентировали обе эти процедуры.

Положение женщины в значительной степени зависело от того, в какую семью она попадала: в большую неразделенную семью, с ее устоявшимися патриархальными порядками и деспотичной властью самой старшей женщины, или малую семью, куда новобрачная нередко входила уже хозяйкой, если в доме не было других женщин. В той и другой ситуации для женщины были и свои плюсы, и свои минусы.

Процесс изживания патриархального этикета широко захватил и ту его сферу, которая у даргинцев оказалась устойчивой, именно обычай избегания.

Происхождению этого обычая посвящена обширная этнографическая литература (*Тейлор Э.*, 1890; *Максимов А.Н.*, 1908; *Косвен М.О.*, 1961; *Кисляков Н.А.*, 1969; *Смирнова Я.С.*, 1983; *Волкова Н.Г.*, *Джавахишвили Г.Н.*, 1982 и др.). Ученые объясняют его природу распространением обычая умыкания, трактуют как искусственную преграду к недозволенным бракам, рассматривают как средство ослабления инстинкта ревности и т.д.

Внутренняя сущность обычая избегания наиболее удачно раскрыта, на наш взгляд, Н.А. Кисляковым. Он не отрицает категорически бракоограничивающую и бракоупорядочивающую функцию семейных запретов, видя в то же время их сущностное содержание в морально-этических, нравственных устоях общества, в закономерности чувства стеснительности молодых людей перед родственниками, в значительной роли патриархальных форм в отношениях «старший – младший» (*Кисляков Н.А.*, 1965. С. 237–238).

Я.С. Смирнова, рассматривая вопрос на северокавказском материале о том, что обеспечивало консервацию избегания, отмечает, что его сохранности способствовали не чувство стеснительности, нежелание предотвратить ссоры и т.п., а трансформация ограничительных отношений в условиях патриархального, а затем и патриархально-феодалного строя (*Смирнова Я.С.*, 1983. С. 41).

И в этом Я.С. Смирнова права, ибо мы знаем, как уже было подчеркнуто, что у народов Кавказа сохраняется этикет подчинения младших старшим, и этот порядок поддерживается не только нормами адатов, но и у мусульманских народов и традициями шариата.

Она же выделяет четыре основные группы избеганий в зависимости от категорий лиц, между которыми они возникают: запреты в отношениях между самими супругами, начинавшиеся со свадебного скрывания; между родителями и их детьми; между женщиной и родственниками ее мужа; между мужчиной и родственниками жены (*Смирнова Я.С.*, 1983. С. 37).

Эти формы избегания были характерны и для дагестанцев, но не в равной степени для каждого народа (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 170–174). Для даргинцев, как показывают полевые материалы, наиболее характерными формами избегания

были и остаются избегания между супругами, а также досвадебное скрывание невесты и жениха.

Собранный полевой материал показывает, что для обозначения обычая избегания у даргинцев в разных районах употребляются разные термины: урузрикИ, что означает стыдиться, гъай хИерики – не разговаривать, рибшес – убежать, дигИярикес – прятаться и т.д. Наиболее подходящим термином, на наш взгляд, является урузрикес. Характерно, что все термины имеют отношение только к женщинам.

У даргинцев избегание между будущими супругами начиналось с момента обручения («ураркьни»): входили в силу запреты общения молодых людей и избегания между ними в общественных местах. При случайной встрече на улице невеста поспешно уходила с места встречи. Избегание между женихом и невестой продолжалось до самой свадьбы, хотя это не исключало их тайных встреч. Следует отметить, что отец и братья девушки об этом ничего не должны были знать.

Даргинка в отличие от других кавказских женщин (Смирнова Я.С., 1983. С. 36; Тер-Саркисянц А.И., 1972. С. 54; Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н., 1982. С. 109) не могла соблюдать долгое время обычай избегания по отношению к родственникам мужа, потому что все работы она выполняла вместе с мужчинами. Трудящая женщина имела право голоса в обсуждении семейных дел, например, в вопросах, связанных с браком детей (хотя и здесь право решающего голоса оставалось за мужчиной), с материальными затратами семьи и т.п. Девушки из таких семей, принимавшие участие в полевых работах, иногда имели возможность общения с юношами. Долгожданным и большим развлечением был праздник для буркун-даргинки – «сусупажи» и «зурбанти», связанный со сбором душистых цветов. Для развлечения девушек приглашались и юноши. Девушки из знатных семей были лишены и такого удовольствия.

Из обычаев избегания представляет интерес форма обращения невестки к старшим членам семьи. Так, свекра она называет «хала дуде, дудеш» (дедушка, отец), свекровь – «хала неш, неш» (бабушка, мать), «азай» (жена дяди), «атаци» (брат отца мужа) и др. Сами старшие члены семьи называли невестку по имени, за исключением кубачинцев, аштынцев, называвших ее «цИикай» (невеста), губденцев, гурбукинцев, именовавших ее «гелин» (невеста). Она не могла показаться свекру с голыми ногами, непокрытой головой, открытой грудью, не могла сидеть, повернувшись к свекру спиной, при его входе она вставала, не ела с ним из одной чашки. Невестка не могла в присутствии свекра громко говорить, и если он к ней обращался, то она отвечала спокойно и почтительно. Благодаря совместной работе у невестки со свекровью была относительная легкость во взаимоотношениях.

Избегания между женой и старшими родственниками мужа были тем строже, чем старше была родня мужа. Следует подчеркнуть, что наиболее строгими и многочисленными были запреты и избегания между невесткой и свекром. По отношению к младшим родственникам мужа избегание у даргинцев не практиковалось.

Но наиболее длительным и постоянным запретом между мужем и женой был запрет называть друг друга по имени. Это встречается почти у всех кавказских и среднеазиатских народов. Б. Далгат, сообщая об урахинцах, писал: «Ни муж, ни жена не произносят имен друг друга ни в своем присутствии, ни за глаза, а также дети не произносят имен старших, они дают им прозвища или называют их именами родства (Далгат Б.К., 1934. С. 6). Видимо, запрет на собственные имена

восходит к вере в то, что произнесение чужеродцем настоящего имени человека может повлечь вредоносное действие.

Собранный полевой материал свидетельствует о бытовании у даргинцев различных терминов в обращении между супругами.

В селениях Хаджалмахи и Цудахар мужчина, обращаясь к жене, говорит «гъуй», а жена мужу – «хГей», акушинцы и левашинцы – «жав», «хГунул», повсеместно к жене обращаются «эй», «эй хГунул», за исключением селения Бутри, где супруги обращаются между собой, употребляя слово «чал». Представляясь в незнакомом обществе, женщина могла назвать имя мужа или его родственников. Считалось неэтично проявлять при домашних, посторонних внимание к жене, нежность к ней, заботу о ней. Расспрашивая гостя о благополучии его семьи, нельзя было спрашивать отдельно о его жене.

Избегание в отношениях между родителями и детьми в даргинской семье в большой степени касалось отца, чем матери. По свидетельству многих информаторов, отец, если даже хотел, никогда при людях не показывал свои отцовские чувства, не нянчил их. Волю своим чувствам в сдержанной форме мог проявить в интимном кругу своей жены и детей. «Отец горской семьи, – писал Н. Самурский, – был скуп на ласки не только по отношению к другим, но и даже и своим детям (Самурский Н., 1938. С. 42).

Многие старожилы утверждали, что только деды могли брать на руки внуков и ласкать их. Дед с материнской стороны почти у всех даргинцев не мог этого делать, он стеснялся, старался не замечать их. В кавказоведческой литературе эти запреты очень хорошо изучены и все они почти схожи у всех народов.

Что касается матери, то необходимость вскармливания, а затем повседневного ухода за ребенком исключала возможность сколько-нибудь выраженного избегания. Мать при кормлении ребенка старалась сторониться глаз присутствующих, прикрывать голову ребенка краем платка.

Строгие правила горской этики требовали от детей беспрекословного подчинения родителям, их почитания независимо от возраста самих детей. Довольно строго соблюдалась известная субординация во взаимоотношениях между старшими и младшими внутри одного поколения. Младший брат не садился при старшем, не вмешивался в разговор в его присутствии в общественных местах. Он беспрекословно подчинялся ему во всем. Младшая сестра также соблюдала все эти правила по отношению к старшей сестре и брату.

Одним из элементов структуры внутрисемейных отношений, во многом определяющим ее характер, является распределение домашних обязанностей между членами семьи. Описывая дореволюционный быт нагорного Дагестана, Н. Дубровин пишет: «Тяжелые работы, лежащие на женщине с самых ранних лет, делают то, что они развиваются очень неправильно и скоро стареют, сохраняя только надолго прекрасные и полные страсти глаза – неотъемлемое сокровище каждой. Помочь жене в ее работе муж считает делом постыдным и даже в случае болезни жены он ни за что не станет исполнять ее работы, а обратится с просьбой к соседкам распорядиться и позаботиться о его хозяйстве» (Дубровин Н., 1872. С. 551).

Действительно ли работали только женщины, а мужчины проводили время в праздном безделье? Разумеется, нет. В традиционном дагестанском обществе существовало четкое и даже жесткое разделение труда, особенно по признаку пола. Были работы чисто женские, которые мужчина никогда и ни за что не стал бы выполнять, но были и мужские работы. Пожалуй, предельно ясно выразил это М.-

З.О. Османов на примере даргинцев, разделив работы, выполняемые ими, на мужские и женские. Согласно этому делению, только мужскими считались следующие работы: вспашка, сев, полив, косьба, снятие урожая с деревьев, уход за деревьями, работа со скотом вне дома и его пастьба, изготовление орудий труда и пр.; только женскими – сбор фруктов под деревьями, прополка, мотыжение, уход за скотом дома, приготовление пищи, заготовка продуктов впрок, поддержание порядка в доме, тканье, изготовление одежды, приготовление кизяка, обеспечение семьи водой и пр. (*Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г., 1967. С. 26*).

Однако совершенно иной порядок распределения работ можно было встретить у даргинцев равнинной части Дагестана – у губденцев и кадарцев. Например, все полевые работы у них, включая прополку, которую в горах считали исключительно женским делом, выполнялись мужчинами. Женщина же мало привлекалась к полевым работами. В Дагестане, как известно, существовала определенная закономерность, которая была отмечена еще Г.М. Амировым. Закономерность эта заключалась в том, что чем выше в горы, тем больше работ приходилось выполнять женщине, и тем меньшей была деятельность мужчины, даже в полевых работах. Основной объем их ложился на плечи женщин (*Амиров Г.-М., 1873. С. 47–48*). Не отрицая того, что даргинке в горах действительно приходилось выполнять очень много работ, а мужчины принимали обыкновенно меньше участия в хозяйстве, нельзя не отметить, что это достаточно поверхностное суждение о явлении, которое имеет свое объяснение. Это обстоятельство известный кавказовед Г.Ф. Чурсин комментировал следующим образом: «Беспокойное боевое прошлое горских народов Дагестана, – писал он, – создало такое разделение труда между мужской и женской половиной населения. Мужчина, будучи прежде всего воинам, брал на себя только такие работы, которые не могли быть возложены на женщин» (*Чурсин Г.Ф., 1999. С. 22*). Причина была также в нелегких социально-бытовых условиях в горах, а также в том, что мужчины нередко отсутствовали, находились на заработках. М.-З.О. Османов назвал суждения о ленности горских мужчин «скольжением по поверхности вещей». «Проезжающим наблюдателям, – пишет он, – прежде всего бросается в глаза труд женщины, ее хлопоты по домашнему хозяйству, ибо в поле или пастбища, где главным образом протекает труд мужчин, эти наблюдатели не выходили» (*Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г., 1967. С. 26*). Но именно такие единичные случаи и попадали в криминальные сводки, по которым нередко создавалась искаженная картина взаимоотношений супругов в дагестанской семье (*Рагимова Б.Р., 2001. С. 44*).

Как свидетельствует наш полевой материал и литературные данные по даргинцам и народам Дагестана, внутрисемейные отношения обнаруживают две существенные закономерности: а) запреты действуют тем сильнее, чем ближе по степени восходящего или бокового родства и старше по возрасту их объект; б) они действуют тем слабее, чем старше по возрасту становится их субъект.

В современных семьях по-прежнему основная тяжесть работ по дому приходится на женщин, хотя мужья, как и другие члены семьи, все больше включаются в эти работы. Одна из основных причин большой загруженности женщин домашними делами связана неопределенной традицией деления домашних работ на «женские» и «мужские».

В сельской местности в условиях развития сельской торговой сети и связей с городом многие домашние работы облегчаются благодаря бытовым электроприборам – стиральным машинам, холодильникам, газовым плитам и т.д. Исчезла

необходимость в таких традиционных женских работах, как пошив одежды, изготовление предметов домашнего обихода и др. Но в сельском быту ежедневным занятием женщин в семье является приготовление пищи, так как сохраняется домашний характер питания.

Во многом изменился и домашний труд мужчин: в основном на них лежит обязанность обработки приусадебных участков. Зато у мужчин появились совершенно новые виды домашнего труда, такие, как уход за личной автомашиной, ремонт бытовых электроприборов, помощь жене отводить детей в школу, готовить уроки. Мужчина часто берет на себя покупку продуктов и других товаров в магазинах и на базаре. Что касается совместного решения супругами ряда важнейших общесемейных вопросов, то, по имеющимся этносоциологическим данным, возросла доля мужей в серьезных случаях всегда советоваться с женой.

Надо заметить, что из-за большой домашней загруженности во всех социальных, возрастных и образовательных группах общественная активность женщин несколько ниже, чем мужчин. Сохранилась прямая связь между типом семьи и отношением к общественной работе. Так, в простых семьях показатели положительного отношения мужа к общественной работе жены несколько выше, чем в сложных семьях. Наличие в семье родителей старшего поколения вносит определенную тональность, созвучную с духом традиционной даргинской семьи. Так, например, всегда очевидна отрицательная реакция родителей на выполнение сыном некоторых женских работ по дому или излишняя вольность в поведении снохи и т.д.

Заслуживают внимания и взаимоотношения между старшим и младшим поколениями в современной семье. Как и в прошлом, в основе их лежит уважение к старшим, признание трудовых заслуг, соблюдаются внешние знаки внимания к ним. Так, если в дом входит пожилой человек, то молодые встают и садятся лишь после того, как старший пригласит их сесть, при старших они стесняются курить, пить, громко разговаривать, вступать в спор с ним и т.д. Новым для даргинской семьи является тот факт, что старшие члены в свою очередь относятся с уважением к младшим, считаются с их мнением, особенно тех, кто имеет образование.

Таким образом, собранные материалы показывают прогрессивные преобразования, произошедшие в быту, культуре и сознании сельского населения в годы советской власти и постсоветское время. В результате чего произошла значительная трансформация древнего обычая избегания в сторону значительно сокращения сроков. Как правило, отдельные элементы сохраняются в основном в трехпоколенных семьях, в которых молодые супруги, боясь обидеть старших, продолжают придерживаться норм традиционного этикета (намус).

Если избегания, выполнявшиеся мужчиной, почти исчезли, то различные формы избегания, которые должны были выполнять женщины в отношении родственников мужа, в трансформированном виде существуют у губденцев в высокогорных районах, таких как Акушинский, Дахадаевский и Левашинский.

В основном в настоящее время обычай избегания все реже можно встретить даже в горных районах. Давно отпали обычаи, предписывающие жене всегда следовать за мужем на расстоянии, не называть его по имени и т.д. Теперь нередко супруги приезжают в гости на своей личной машине.

Вместе с тем пожилые женщины в селах по-прежнему ходят группами отдельно от мужчин. Мужья также не всегда делят досуг с семьей, они любят отдыхать в мужской компании. Так, в присутствии гостей, если среди них есть мужчины, женщины за стол не садятся (им накрывают отдельно). Устойчива

лишь внешняя сторона некоторых избеганий (во взаимоотношениях невестки и родственников мужа), особенно табуирование имен.

Значительные изменения произошли во взаимоотношениях между родителями и детьми. Отец не стыдится приласкать маленького ребенка и уделяет ему внимание в присутствии посторонних. Именно во взаимоотношениях отца со взрослыми детьми, прежде беспрекословно ему подчинявшимися, более всего проявляется перелом – преодоление авторитарности, становление эгалитарной атмосферы в семье. Сыновья и дочери по-прежнему с глубочайшим уважением относятся к родителям, однако это уж не столько почитание их по обычаю, сколько отражение открытой привязанности, заботы, уважения, не скованных множеством регламентаций и правил этикета, как в прошлом. Родители также стремятся к взаимопониманию, ценят образованность, гордятся престижем своих сыновей и дочерей в обществе, советуются с ними, совместно решая все важные семейные вопросы. Однако такая гармония отношений пока не стала всеобщим явлением.

В даргинских селах, как отмечают информаторы, нередко можно услышать мнение, что молодые перестали уважать старших. Это выражается в том, что молодые больше употребляют спиртных напитков, не слушают родительских советов, не оказывают старшим знаков уважения (например, переходят дорогу иногда перед стариками). Молодые также иногда осуждают старших (даже своих родителей), которые придерживаются отживших обычаев.

Несмотря на указанные противоречия, глава семьи советуется с другими ее взрослыми членами по тем или иным вопросам, прислушивается к их мнению.

Авторитет родителей, старших в семье опирается ныне у даргинцев не на обычное право, а отражает принципы новой морали, является ответом на заботу родителей о детях, об их здоровье, воспитании, образовании. Особенно почтительно относятся у даргинцев к тем старшим, которые известны своим человеколюбием, беспристрастностью, справедливо разрешают конфликтные ситуации в семье, в кругу своих родственников.

Важным показателем изменения внутрисемейных отношений в даргинских семьях, их демократизации является уменьшение власти главы семьи – мужчины. При всех опросах, проведенных в полных семьях, где имеются оба супруга, главой семьи сами себя называют мужчины. Даже тогда, когда фактически лидером в семье является жена. Она считает, что ей неприлично, имея мужа, называть себя главой и выставлять себя как бы на передний план.

Однако процессы трансформации протекают неравномерно в различных географических зонах проживания даргинцев. Особенно явно следы перемен фиксируются в равнинной (Каякентский, Ленинский районы) и предгорной (Кайтагский, Левашинский, Сергокалинский районы) зонах. В горной зоне в наибольшей степени сохраняются традиционный уклад жизни и формы быта.

Следует отметить, что еще не всегда даргинская женщина в сельской местности бывает фактически равна с мужчиной. Многое здесь, однако, еще зависит от социально-профессиональной принадлежности, поколенного и возрастного состава семьи. Получается несоответствие между новым общественным положением женщин и положением ее в семье, где она традиционно загружена работой по обслуживанию семьи.

В целом можно сказать, что быт современной даргинской семьи, который претерпевает в настоящее время большие изменения, во многом традиционен. Он

содержит немало черт, связывающих его с прошлым. Однако, передаваясь из поколения в поколение, они делают современную семью частью народной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амиров Г.-М.*, 1873. Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ. Тифлис. Вып. 7.
- Бартольд В.В.*, 1966. Работы по истории ислама и арабского халифата. Т. 6. М.
- Бромлей Ю.В.*, 1983. Очерки теории этноса. М.
- Вагабов М.В., Вагабов Н.М.*, 1999. Ислам как мировая религия. Махачкала.
- Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н.*, 1982. Бытовая культура Грузии XIX – XX века: традиции и инновации. М.
- Гаджиева С.Ш.*, 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.
- Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашиева А.Г.*, 1967. Материальная культура даргинцев. Махачкала.
- Ганцкая О.А.*, 1984. Семья: структура, функции, типы // СЭ. № 4.
- Далгат Б.К.*, 1934. Материалы по обычному праву даргинцев // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 5. Оп. 1. Д. 51.
- Дубровин Н.*, 1872. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб.
- Кисляков Н.А.*, 1959. Семья и брак у таджиков. М.-Л.
- Рагимова Б.Р.* 2001. Женщина в традиционном дагестанском обществе в XIX – начале XX в. Махачкала.
- Кисляков Н.А.*, 1969. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Коран. 1986 / Перевод И.Ю. Крачковского. М.
- Косвен М.О.*, 1961. Этнография и история Кавказа. М.
- Максимов А.Н.*, 1908. Ограничения отношений между одним из супругов и родственниками другого // ЭО. № 1 – 2.
- Самурский (Эфендиев) Н.*, 1925. Дагестан. М.-Л.
- Смирнова Я.С.*, 1983. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.
- Тер-Саркисянц А.Е.*, 1972. Современная семья у армян. М.
- Тейлор Э.*, 1890. О методике исследования развития учреждений // ЭО. № 2.
- Чурсин Г.Ф.*, 1993. Авары: этнографический очерк. Махачкала.